

Некоторые итоги социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа за период 2012–2020 гг.

Матвеева Людмила Константиновна

Кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Matveeva3@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: 9070-8979

ORCID ID: [0000-0003-2740-6687](https://orcid.org/0000-0003-2740-6687)

Никифоров Илья Игоревич¹

Аспирант, кафедра стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: ilya_yes92@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 8991-2886

Аннотация

Дальний Восток является геостратегической территорией, призванной обеспечить свободный доступ России в развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. Реализация указанной задачи возможна только при условии синхронизации процессов развития территорий на российском Дальнем Востоке с сопредельными государствами, в том числе посредством использования их конкурентных преимуществ ведения предпринимательской деятельности в сфере логистики, сельского хозяйства, добычи и переработки полезных ископаемых. Понимание этих процессов привело федеральное Правительство к формированию селективных мер государственной поддержки их развития. Настоящее исследование посвящено проблемам существующих диспропорций социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа, а также типологизации и анализу действующих мер государственного регулирования по их устранению. Авторами подчеркивается, что значительное внимание федерального Правительства уделено формированию дополнительных стимулов ведения предпринимательской деятельности на Дальнем Востоке, разработаны и реализуются на территории макрорегиона беспрецедентные в истории современной России льготные налоговые режимы, результатом которых явился общий рост деловой активности, а также увеличение объемов прямых иностранных инвестиций. Проводится мониторинг состояния отраслей экономики и социальной сферы в 2011–2012 гг. к моменту создания Минвостокразвития России, а также анализируется их динамика до 2020 г. Выделяются успехи, которые удалось реализовать в рамках проводимой работы, в числе которых сокращение оттока трудоспособного населения, а также приводятся примеры отдельных проблемных зон в развитии российского Дальнего Востока. При этом авторами рассматриваются различные подходы к развитию подобного рода отстающих территорий в рамках зарубежных и отечественных исследований, а также формулируются предварительные итоги эффективности государственного вмешательства в развитие макрорегиона.

Ключевые слова

Дальний Восток, региональная политика, социальное развитие, экономическое развитие, приоритетные территории, факторы роста регионов, факторный анализ.

Some Results of Far Eastern Federal District Social and Economic Development in 2012–2020

Ludmila K. Matveeva

PhD, Associate Professor, Department of Strategic Planning and Economic Policy, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Matveeva3@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-2740-6687](https://orcid.org/0000-0003-2740-6687)

Ilya I. Nikiforov²

Postgraduate student, Department of Strategic Planning and Economic Policy, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ilya_yes92@mail.ru

Abstract

The Russian Far East is a geostrategic territory designed to provide free economic access for Russia to the developing Asia-Pacific region. The implementation of this task is possible only if the processes of territories development in the Russian Far East are synchronized with neighboring states through the use of their competitive advantages of doing business in the field of logistics, agriculture, mining and processing of minerals. Understanding of these processes led the federal government to creating selective measures of state support for their development. This study is devoted to the problems of the existing imbalances in the Far Eastern Federal District socio-economic development. In the article authors analyze the state of economy in the federal district just before the Ministry for the Russian Far East development was created. The article highlights the success that was achieved, including the reduction of the able-bodied population outflow, and provides examples of certain problem areas in the development of the Russian Far East. At the same time, the authors consider various approaches to the development of such lagging territories within the framework of foreign and domestic studies, and formulate preliminary results of state activities effectiveness for the Russian Far East development.

Keywords

The Russian Far East, regional policy, social development, economic development, priority territories, regional growth factors, factor analysis.

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Введение

Территориальные диспропорции социального и экономического развития отдельных государств, а также предпринимаемые органами государственной власти и управления меры по их устранению являются значимым объектом исследований отечественных и зарубежных авторов. Интерес к подобным исследованиям усилился с начала XX века, когда в период между двумя мировыми войнами произошел значительный рост участия государства в регулировании экономики [Хиггс 2010, 9].

В первую очередь речь идет о том, что государства, стремясь компенсировать негативные социальные и экономические последствия мирового кризиса, вынуждены применять различные меры поддержки наиболее уязвимых групп населения и хозяйствующих субъектов. Для целей оказания этой помощи расширяются штаты ведомств и их полномочия [Там же, 11]. Однако следует признать, что возвращение к докризисному состоянию для указанных органов представляет сложности двух порядков:

- кадровые — для выполнения функций по регулированию новых полномочий расширяются штаты органов государственной власти и управления, и, соответственно, их сокращение встречает организованное сопротивление изменениям;
- организационные — для выполнения функций по регулированию новых полномочий также вносятся изменения в функционал ведомств, которые получают соответствующее финансирование на их реализацию. Однако получение такого финансирования потребовало значительного приложения сил для обоснования необходимости перед финансово-экономическим блоком, и, соответственно, отказ от них в настоящее время с учетом риска повторения кризисной ситуации и необходимости экстренного реагирования вызывает появление «заснувших полномочий» (полномочий органов государственной власти, которые предусмотрены их регламентом (положением), но которые фактически не используются).

На сегодняшний день наиболее ярким примером увеличения государственного вмешательства в частную жизнь граждан является беспрецедентный контроль со стороны в первую очередь учреждений здравоохранения за передвижением граждан в рамках реализации мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции [Зубаревич 2021, 50].

Не менее важным остается и вопрос, касающийся государственных дотаций (пособий) отдельным социально уязвимым категориям граждан. Последние исследования [Besot, Inwood 2020, 186] показывают, что увеличение их объемов выше прожиточного минимума приводят к формированию деструктивных для общества тенденций, проявляющихся в расширении категорий получателей соответствующих благ, в том числе без видимых на то оснований. С другой стороны, такие меры позволяют обеспечить финансовую безопасность для граждан в случае наступления временной нетрудоспособности [Men et al. 2021, 7], в том числе формируя дополнительные стимулы для ведения предпринимательской деятельности, предполагающей повышенные риски.

Вместе с тем одним из ключевых вопросов экономического, а за ним и социального развития территорий является отношение потенциальных инвесторов к сбережению или потреблению накопленных денег, а также возникающие в связи с инвестиционной деятельностью риски, связанные с возможной потерей вложенных средств [Кейнс 2013, 56].

Однако, если речь идет о создании условий для социального развития отстающих территорий и применения соответствующих мер со стороны правительства, существует достаточно консолидированная позиция большинства исследователей, признающих необходимость государственного вмешательства, в том числе посредством использования методов налогового стимулирования к развитию социальной инфраструктуры, а также прямых капиталовложений [Исаев 2017, 27]. При этом очень важно определить, что понимается под «социальным развитием» и «отстающими территориями».

Социальное развитие — широкий спектр вопросов, включающих качество образования, искоренение нищеты, создание новых рабочих мест и касающихся кооперативов, процесса старения человека, молодежи, семьи, социальной интеграции, инвалидности, коренных народов мира и гражданского общества³.

В отечественной подзаконной базе закреплен термин «приоритетные территории»⁴, под которым понимаются территории субъектов Российской Федерации, на которых реализуются

³ Социальное развитие // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/ru/key-issues/social.html> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 N 588 (ред. от 14.05.2021) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103481/ (дата обращения: 03.05.2021).

государственные программы, включенные в раздел IV «Сбалансированное региональное развитие» перечня государственных программ Российской Федерации⁵, за исключением государственной программы «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».

Приоритетные территории, определенные выше, возможно разделить на два типа. Первые в силу разных, в том числе исторических, причин имеют существенное отставание по некоторым социально-экономическим показателям от среднероссийских значений (Дальний Восток, Северный Кавказ, Арктика). Территории второго типа носят эксклавный характер в значительной мере политически и географически оторваны от основной территории Российской Федерации (Калининградская область, Республика Крым).

Существующие различия между территориями обуславливают необходимость применения различных мер государственного вмешательства для обеспечения их устойчивого развития. Перечни и типологии таких мер [Nijkamp, Abreu 2020, 298] становились предметом множества исследований в XX веке, когда проблема сверхразвитости и отставания отдельных территорий в рамках одного государственного образования начала представляться катастрофически большой [Леонов 2017, 45].

В силу разных причин большой вклад в развитие региональной экономики как отдельной отрасли науки внесли советские ученые. Советская экономика, основанная на формировании балансовых моделей «выпуск-затраты», предполагала построение производственных цепочек во всех отраслях в масштабе целой страны [Ведута 2016, 109]. Такие расчеты требовали развития подходов к районированию, разработке поправочных территориальных коэффициентов и многого другого, что предопределило необходимость изучения различных аспектов регионов и как административных единиц, и как географических детерминант.

В несколько ином ключе шло формирование исследований региональной экономики зарубежными авторами [Dumbrell et al. 2020, 3]. В рамках рыночной экономики, в которой основной продукт создается предпринимателями, необходимость государственного регулирования связана только с теми его аспектами, которые традиционно принято называть «провалами рынка». В частности, проблемы чрезмерного накопления капиталов за счет неэквивалентного обмена в рамках одной экономической системы в силу монополизации отдельных отраслей экономики, например железнодорожных перевозок. Именно поэтому роль региональной экономики здесь изначально была построена по принципу необходимости нивелирования отрицательных аспектов ведения предпринимательской деятельности, будь то антимонопольный акт Шермана, направленный против ограничения отдельными игроками свободы торговли и получения ими сверхприбыли за счет населения отдельных территорий, или поправка X к Конституции США⁶, предполагающая, что полномочия, не делегированные федерацией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами.

В свою очередь, во второй половине XX века М. Портер вернулся к изучению конкурентных преимуществ отдельных стран, только в региональном разрезе. Так, в силу сложившейся архитектуры производства на определенной территории формируются уникальные условия для ведения определенного вида хозяйственной деятельности. Умелое использование таких территориальных преимуществ позволяет обеспечить конкурентные преимущества на открытом рынке [Портер 2005, 37].

Таким образом, мы видим два принципиально противоположных подхода, один из которых предполагает хаотичное формирование рыночной структуры в регионе, конкурентные преимущества которого формируют его товарную специализацию, и второй подход, исходящий из эффекта от масштаба реализуемых проектов на уровне целого государства и позволяющего нивелировать диспропорции территориального развития за счет распределения издержек и общего снижения эффективности, определяемой как соотношение расходов и доходов.

Вместе с тем стоит признать эвристическую ценность обоих подходов, результаты исследований в этих направлениях позволили значительно расширить границы научного познания в сфере изучения природы и структуры экономики отдельных административно-территориальных единиц.

С учетом особенностей развития нашего государства особое внимание уделялось, уделяется и, вероятно, будет уделяться вопросу выравнивая социально-экономического развития отдельных территорий. В силу разных причин в России вполне успешные регионы могут соседствовать с регионами, в которых десятилетиями прослеживаются негативные тенденции.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 N 1950-р (ред. от 28.05.2021) «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106979/ (дата обращения: 03.05.2021).

⁶ The Constitution of The United States // Constitution Annotated [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/> (дата обращения: 12.05.2021).

В первую очередь вопрос обеспечения развития отстающих регионов связан с необходимостью предоставления минимального объема социальных услуг населению на всей территории страны. Ситуация, с которой столкнулась сегодняшняя Россия, показывает, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации не всегда справляются с возложенными на них полномочиями и население этих отстающих территорий⁷ вынужденно недополучает отдельные виды благ.

Тем не менее вопрос о возможностях, а также о пределах нивелирования рисков, связанных с развитием приоритетных территорий, со стороны органов государственной власти все еще остается дискуссионным.

С одной стороны, формирование благоприятной среды для ведения предпринимательской деятельности в определенных сферах ведет к развитию этих сфер деятельности, как следствие — к увеличению налоговой базы большинства уплачиваемых организациями налогов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации. Кроме того, условия благоприятной среды содействуют получению иных мультипликативных эффектов, в том числе связанных с увеличением занятости населения, повышением покупательной способности и пр.

С другой стороны, как показывает исследование [Портер и др. 2005], в Японии поддержка со стороны государства отдельных отраслей экономики, как и экономики в целом, приводит к излишнему регулированию экономики, чрезмерному влиянию бюрократического аппарата на принятие решений в коммерческих компаниях, формированию поведения этих компаний, направленного на постоянное получение помощи от государства, в том числе финансовой, снижению средней по отрасли производительности труда и в результате к невозможности для этих отраслей конкурировать на международной арене.

В связи с этим особенно важным представляется проведение глубокого анализа пределов допустимого (возможного) вмешательства государства в экономические процессы.

Основания для новых подходов по развитию Дальнего Востока

Формирование в 2012 г. необходимости разработки новых подходов к обеспечению устойчивого развития Дальнего Востока обусловлено несколькими факторами:

- геополитическим — необходимость обеспечения присутствия России как одной из великих держав в растущем Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также решения территориальных споров и снятие рисков их роста;
- экономическим — бурный рост «азиатских тигров» в 1980–1990 гг. привел к глобальному изменению структуры мировой экономики, что обусловило необходимость наращивания экономического потенциала российского Дальнего Востока, модернизации его материально-технической базы и развития инфраструктуры в целях обеспечения синхронизации России с этими процессами;
- политическим — долгое отсутствие внимания на федеральном уровне к процессам криминализации макрорегиона, ухудшение доступности социальных благ и многого другого создали опасную для федерального центра протестную среду, в первую очередь в крупных агломерациях, которые в советскую эпоху обеспечивали бурное развитие этого региона;
- социальным — разница в возможности получения гражданами отдельных социальных благ в регионах начала достигать катастрофических размеров и провоцировать рост недовольства населения.

Указанные факторы стали основанием как для федерального правительства, так и для правительств субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО), для принятия первоочередных мер, направленных на развитие потенциала ДФО, включая разработку и реализацию стратегий социально-экономического развития региона в целом и его отдельных субъектов. При этом стратегии должны были базироваться на единых методологических подходах, сбалансированности долгосрочных планов действий, направленных на развитие потенциала ДФО, включая решение наиболее острых проблем:

- недопущение оттока численности населения, обеспечение достойного уровня его доходов как основных составляющих для дальнейшего развития человеческого капитала;
- использование различных инструментов для привлечения инвестиций как фактора экономического развития, создания новых производств и рабочих мест, повышения привлекательности ДФО для укрепления позиций России в Тихоокеанском регионе.

⁷ Отстающие территории — это территория одного или нескольких субъектов Российской Федерации, показатели социально-экономического развития которых, в том числе демографические, на протяжении длительного времени (5 и более лет) демонстрируют отсутствие положительной динамики.

Состояние реализации стратегии социально-экономического развития ДФО

В современной России отсутствуют единые подходы к разработке ключевых документов стратегического планирования, скоординированной политики в части социально-экономического развития регионов страны. В первую очередь это касается отсутствия ключевого документа стратегического планирования в рамках действующей системы координат — стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, которая должна определять⁸:

- текущую социально-экономическую ситуацию и степень достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;
- цели социально-экономического развития Российской Федерации и целевых показателей на долгосрочный период, а также условия, факторы их достижения и ограничения и риски при их достижении с учетом задач обеспечения национальной безопасности страны;
- приоритеты и основные задачи социально-экономической политики на долгосрочный период, обеспечивающие достижение целей социально-экономического развития Российской Федерации и национальную безопасность страны;
- приоритеты и направления регионального развития России;
- позиции Российской Федерации в мировой экономике и их изменения на долгосрочный период;
- направления основных реформ и программ, необходимых для достижения целей социально-экономического развития страны;
- основные направления, мероприятия и механизмы реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

Как правило, разрабатываемые документы стратегического планирования должны выражать некое видение будущего развития страны, отраслей и ее отдельных регионов. Однако фактически мы видим, что ключевые документы визионерского видения развития, например Стратегия пространственного развития Российской Федерации⁹ или Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года¹⁰, являются отражением действующих мер государственного регулирования и не дают представления о планах по их совершенствованию [Зубаревич 2019, 139].

Указанная ситуация характерна и для документов стратегического планирования развития Дальнего Востока: Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года¹¹; государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»¹²; Указа Президента Российской Федерации «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока»¹³.

На территории Дальневосточного федерального округа, за которым, в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, закреплён статус приоритетной геостратегической территории, реализуются также мероприятия иных документов стратегического планирования, таких как государственные программы «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», «Содействие занятости населения», «Развитие культуры» и другие, в рамках которых выделены так называемые «приоритетные разделы».

Вместе с тем необходимо отметить, что само наличие такого большого количества документов, отражающих значимость Дальнего Востока для страны, существование отдельного федерального органа исполнительной власти, занимающегося этими вопросами, отдельного управления в Аппарате

⁸ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция). Пункт 7 статьи 16 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 18.04.2021).

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).

¹⁰ Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/ (дата обращения: 12.05.2021).

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 N 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/ (дата обращения: 12.05.2021).

¹² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 308 (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162190/ (дата обращения: 12.05.2021).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 26 июня 2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260029> (дата обращения: 12.05.2021).

Правительства Российской Федерации, профильных комитетов в обеих палатах Федерального Собрания Российской Федерации, безусловно, подчеркивают заинтересованность со стороны государства в обеспечении развития ДФО.

Отдельно стоит отметить, что во всех субъектах ДФО приняты и реализуются региональные стратегии социально-экономического развития. Однако их горизонты планирования различны: так, для Амурской области стратегия разработана до 2025 г., Забайкальского, Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа — до 2030 г., Республики Саха (Якутия) — до 2032 г., Республики Бурятия и Сахалинской области — до 2035 г.

При этом разница в горизонтах планирования вовсе не является главной проблемой указанных стратегий. Важно заметить, что в региональных стратегиях полностью отсутствует компонент, связанный с мультипликаторами развития сопредельных регионов: например, в Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года¹⁴ отсутствует информация о реализации крупнейших проектов в области судостроения и переработки углеводородов, которые реализуются в Приморском крае и Амурской области соответственно.

В целом можно констатировать, что верхнеуровневые документы стратегического планирования как на федеральном, так и на уровне субъектов Российской Федерации продолжают оставаться производными от отраслевых документов стратегического планирования (государственные программы), что снижает эффективность государственного управления в целом.

Некоторые итоги социального развития ДФО и реализации социальных программ

Одной из ключевых проблем реализации потенциала ДФО связана с негативными процессами миграционных потоков населения. Отсутствие государственной поддержки, а также действие негативных факторов привело к значительному сокращению численности населения Дальнего Востока в период с 1990 по 2011 гг. на 2,05 млн человек, или на 19,7% (РФ — 3,3%)¹⁵, при этом доля молодежи снизилась на 24,3% (РФ — 4,9%)¹⁶. Численность населения Чукотского автономного округа снизилась в 3,2 раза, Магаданской области — в 2,5 раза¹⁷.

Не менее важной являлась также проблема отставания развития экономического потенциала макрорегиона. К 2011 г. валовый региональный продукт регионов Дальнего Востока составил 2,9 трлн рублей, увеличившись в 17,2 раза по сравнению с 1998 г. (168,2 млрд рублей)¹⁸. Однако темпы его роста значительно уступали среднероссийским, которые составили за этот период 20,1 раза¹⁹.

Вместе с тем отмечается сохранение превышения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в целом по экономике субъектов ДФО над соответствующим показателем по Российской Федерации, однако с 2004 г. отмечается отставание от показателя г. Москвы — субъекта Российской Федерации, демонстрирующего превышение по большинству показателей социально-экономического развития. Данный разрыв ежегодно снижается, и если в 2000 г. среднемесячная номинальная заработная плата по ДФО составляла 140% от среднероссийского показателя, то в 2011 г. она составила 125% от среднероссийского показателя, а к 2019 г. — только 118% (Рисунок 1).

¹⁴ Постановление Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 г. № 215-пр об утверждении «Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=%20180022887&backlink=1&nd=180121225> (дата обращения: 12.05.2021).

¹⁵ Численность постоянного населения по возрасту на 1 января // Центральная База Статистических Данных [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/dbscripts/cbsd_internal/DBInet.cgi?pl=2409019 (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Валовый региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД-2007) // Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁹ Там же.

Рисунок 1. Динамика роста среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в целом по субъектам ДФО, г. Москве и Российской Федерации за 2000–2019 гг., руб.²⁰

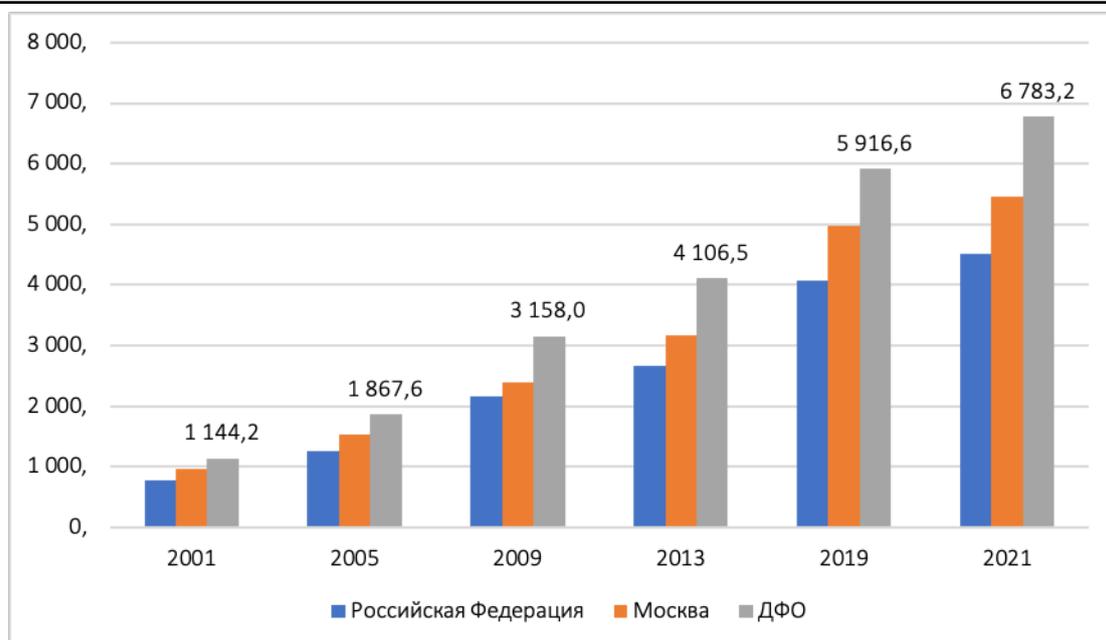
Фактически же, если исходить из действующей методологии определения, рост среднемесячной заработной платы населения ДФО не соответствует росту стоимости базовых услуг и потребительской корзины в макрорегионе. Так, приказом Росстата от 30 декабря 2014 г. № 734²¹ утверждена официальная статистическая методология организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен, которая в том числе определяет методику расчета стоимости условного (минимального) набора продуктов питания и наблюдения за ней, которая отражает межрегиональную дифференциацию уровней потребительских цен на продукты питания, входящие в него. При ее расчете используются единые, установленные в целом по Российской Федерации, условные объемы потребления продуктов питания и средние потребительские цены на них по субъектам Российской Федерации. Используемые в расчетах веса являются условными и не ставят задачи отразить реальные объемы потребления товаров в данный момент времени. В состав условного (минимального) набора продуктов питания включено 33 наименования продовольственных товаров. Данные о стоимости набора определяются в расчете на одного человека в месяц.

В соответствии с указанными наблюдениями, в период с 2001 по 2013 гг. стоимость условного (минимального) набора продуктов питания в целом по России выросла в 3,4 раза, по г. Москве — 3,2 раза, в то время как по субъектам ДФО указанный рост составил 3,6 раза. При этом стоит учитывать, что базовая (на 2001 г.) стоимость условного (минимального) набора продуктов питания по ДФО на 45% превышала соответствующий показатель в среднем по РФ (Рисунок 2).

В 2021 г. рост стоимости условного (минимального) набора продуктов питания к базовому периоду в ДФО уже составил 8,6 раза, в среднем по РФ — 5,7 раза, в г. Москве — 7 раз. Таким образом, фиксируется постепенное ухудшение возможности приобретения даже минимального набора продуктов питания жителями ДФО (Рисунок 2).

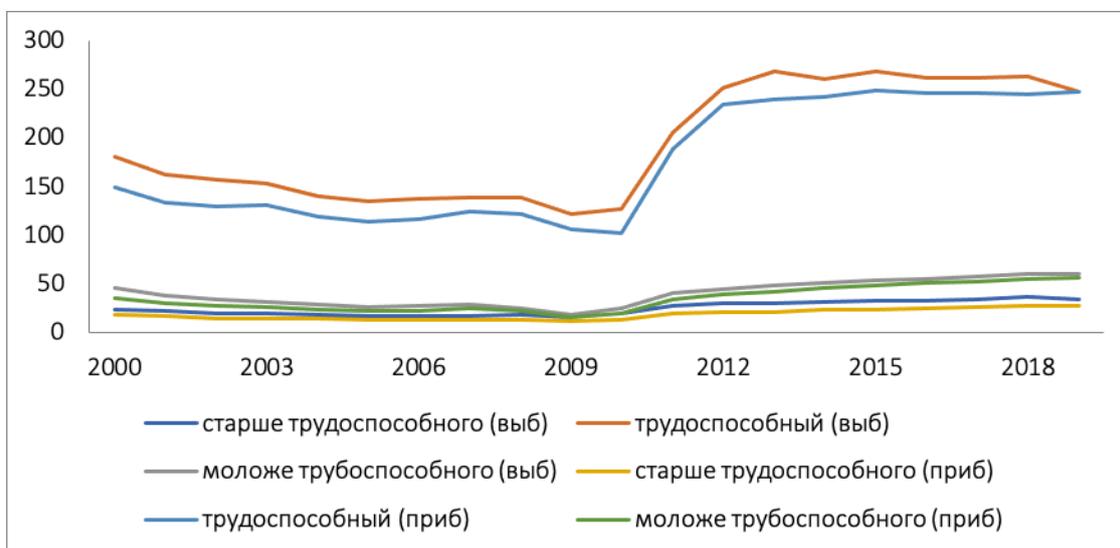
²⁰ Составлено автором на основе Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2021 гг. // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 23.05.2021).

²¹ Приказ Росстата от 30.12.2014 № 734 (ред. от 27.11.2019) «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174490/ (дата обращения: 14.05.2021).

Рисунок 2. Динамика роста стоимости условного (минимального) набора продуктов питания по состоянию на январь месяц в период 2001–2021 гг. в ДФО, РФ и г. Москве, руб.²²

Однако, как представляется, куда более важной проблемой для макрорегиона является массовый отток населения, в первую очередь находящегося в трудоспособном возрасте. За период с 2000 по 01.01.2019 с территории субъектов ДФО выбыло 5 198 834²³ человек, из которых: моложе трудоспособного возраста — 807 476 человек; трудоспособного возраста — 3 882 768 человек; старше трудоспособного возраста — 508 590 человек. За указанный период прибыло 4 568 107 человек, из которых: моложе трудоспособного возраста — 700 568 человек; трудоспособного возраста — 3 486 527 человек; старше трудоспособного возраста — 381 012 человек. Динамика миграционных потоков представлена на Рисунке 3.

Рисунок 3. Динамика миграционных потоков в целом по ДФО за период 2000–2019 гг., человек²⁴

Следует отметить, что в 2010–2011 гг. происходит резкий рост оттока-притока лиц, находящихся в трудоспособном возрасте. Указанное изменение в первую очередь затрагивает Сахалинскую область (рост прибывших в 2011 г. по сравнению с 2010 г. составил 2,7 раза) и Приморский край (2,6 раза), что

²² Источник: Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания // Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31481> (дата обращения: 14.05.2021).

²³ Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 14.05.2021).

²⁴ Составлено автором на основе Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 14.05.2021); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/586143> (дата обращения: 14.05.2021).

обусловлено реализацией проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» (Сахалинская область) и строительством объектов для АТЭС-2012 (Приморский край), потребовавших привлечения соответствующих трудовых ресурсов.

В 2019 г. достигнут паритет по численности лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, выбывших (246 884 человек) и прибывших (247 110 человек) в регионы ДФО, что фактически является одним из результатов усилий, предпринимаемых государством, по повышению качества жизни на Дальнем Востоке, а также формированию точек притяжения инвестиций.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 13 октября 2017 г. № Пр-2064²⁵ Минвостокразвития России совместно с субъектами ДФО с 2018 года реализует Планы социального развития центров экономического роста (далее — Планы). Определено 58 центров экономического роста, которые охватывают 6,6 млн населения Дальнего Востока (81% от численности населения макрорегиона)²⁶.

На заседаниях Подкомиссии по вопросам реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке под председательством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнева определены приоритетные мероприятия, которые будут реализованы в течение 2018–2021 гг. в центрах экономического роста²⁷.

Объем средств федерального бюджета в 2018–2021 гг.²⁸ на реализацию мероприятий центров экономического роста составляет 95,7 млрд рублей, в том числе в 2018 году — 23,8 млрд рублей; 2019 году — 37,3 млрд рублей; 2020 году — 27,0 млрд рублей; 2021 году — 7,6 млрд рублей.

Реализация указанных мероприятий по социальному развитию центров экономического роста направлена на строительство объектов социальной инфраструктуры, обеспечение дополнительных социальных гарантий, в том числе в части предоставления жилья отдельным категориям граждан. Вместе с тем фактически реализация указанных мероприятий направлена на сокращение отставания плотности социальной инфраструктуры в отдельных населенных пунктах дальневосточных регионов от показателей административных центров, что тем не менее не позволяет достичь среднероссийского уровня.

Отдельно стоит выделить социальную инициативу Правительства Российской Федерации²⁹ — программу «Дальневосточный гектар», по которой каждый гражданин имеет право безвозмездно в упрощенном порядке получить земельный участок в Дальневосточном федеральном округе площадью 1 га для освоения, поселения и предпринимательской деятельности.

Указанная инициатива формализована в Федеральном законе от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ³⁰. Отдельно стоит отметить, что в силу буквальной трактовки пункта 1 статьи 8 № 119-ФЗ земельный участок может использоваться гражданином, которому он предоставлен в безвозмездное пользование, для осуществления любой не запрещенной федеральным законом деятельности. Фактически программа «Дальневосточный гектар» призвана упростить процедуру получения земельных участков на Дальнем Востоке, а также сформировать дополнительные стимулы для сокращения оттока населения.

По данным федеральной информационной системы «[На Дальний Восток](#)», по состоянию на 14 марта 2021 г. выдано 90 281 участков в рамках программы. Среди участников программы большинство предполагает осуществление индивидуального жилищного строительства. В то же время часть участников программы планирует реализацию инвестиционных проектов, направленных на использование уникального потенциала Дальнего Востока, среди которых, например, создание туристического центра в японском стиле³¹ или открытие туристического кластера у подножия вулканов³².

²⁵ Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания президиума Государственного совета 6 сентября 2017 года // Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/404/29772/> (дата обращения: 14.05.2021).

²⁶ О социальном развитии центров экономического роста на Дальнем Востоке // Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/37552/> (дата обращения: 14.05.2021).

²⁷ Там же.

²⁸ Федеральный закон от 05.12.2017 N 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284360/ (дата обращения: 14.05.2021).

²⁹ Дальневосточный гектар // Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/728/events/> (дата обращения: 14.05.2021).

³⁰ Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 N 119-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 14.05.2021).

³¹ Туристический центр в японском стиле // Дальневосточный гектар [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aagvgioeoa2bo7l.xn--p1ai/best-practice/view?id=8> (дата обращения: 14.05.2021).

³² Получатель «дальневосточного гектара»: мы сделаем комфортный отдых на вулканах доступным // Дальневосточный гектар [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aagvgioeoa2bo7l.xn--p1ai/news/detail?id=731> (дата обращения: 14.05.2021).

Не менее важной социальной программой является «Дальневосточная ипотека». В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 1609³³ (далее — Программа) ипотечный кредит на приобретение или строительство жилых помещений (квартир, домов) на территории субъектов ДФО предоставляется:

- гражданам Российской Федерации, состоящим в браке между собой, где оба супруга не достигли возраста 36 лет;
- гражданину Российской Федерации, не достигшему возраста 36 лет, не состоящему в браке и имеющему ребенка, который на дату заключения кредитного договора не достиг возраста 19 лет;
- гражданину Российской Федерации (без ограничения по возрасту), которому предоставлен земельный участок в соответствии с № 119-ФЗ;
- гражданину Российской Федерации, переехавшему на работу из других субъектов Российской Федерации в рамках реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов в субъекты ДФО.

Общая сумма выделяемых кредитов до 2025 года по указанной Программе планируется в объеме до 450 млрд рублей (включительно)³⁴.

По данным ДОМ.РФ³⁵, по состоянию на 29 апреля 2021 г. на территории ДФО выдано 17 214 ипотечных кредитов на сумму 70,2 млрд рублей, или 15,6% от лимитов программы. Средняя сумма одного кредита в рамках программы составляет 3,6 млн рублей.

В период с 2021 по 2024 гг.³⁶ на территории ДФО планируется ввод в действие 290 домов с общей жилой площадью 2 186 тыс. кв. м. на 44 тыс. квартир. Таким образом, средний размер одной квартиры составит 49,7 кв. м. В целом это соответствует средней площади жилой единицы, строящейся в Российской Федерации, которая составила на 01.01.2020 также 49,7 кв. м. (в Москве — 57,8 кв. м.) и которая будет сохранять указанный размер в связи с ростом стоимости 1 кв. м. в ближайшее будущее³⁷.

Инструменты привлечения инвестиций, их влияние на некоторые экономические показатели развития ДФО

Дальнейшее развитие ДФО напрямую связано с созданием условий по привлечению инвестиций. Среди наиболее значимых решений по созданию инновационных инструментов по привлечению инвестиций на Дальний Восток стоит выделить следующие специальные налоговые режимы: территории опережающего социально-экономического развития (далее — ТОР)³⁸; свободный порт Владивосток (далее — СПВ)³⁹.

Существенным различием между указанными режимами является то, что минимальный объем инвестиций для резидентов ТОР составляет 500 тыс. руб., в то время как для резидентов СПВ — 5 млн руб. Таким образом, учитывая тот факт, что недостающий объем привлекаемых инвестиций можно покрыть за счет кредита под 5% (2%) годовых, выдаваемых АО «Фонд развития Дальнего Востока» (ФРДВ), можно говорить о том, что выбор между ТОР и СПВ зависит в первую очередь от локации предполагаемого проекта.

³³ Постановление Правительства РФ от 07.12.2019 N 1609 (ред. от 21.09.2020) «Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. N 1713-р» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/ (дата обращения: 14.05.2021).

³⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 1609 «Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713-р» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/ (дата обращения: 14.05.2021).

³⁵ Программа Дальневосточная ипотека // ДОМ.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/mortgage/dalnevostochnaya-ipoteka/> (дата обращения: 04.05.2021).

³⁶ Основные показатели жилищного строительства // Единая информационная система жилищного строительства [Электронный ресурс] URL: https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8_%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D1%89%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 14.05.2021).

³⁷ Аналитический обзор «Строительство жилья профессиональными застройщиками» // ЕРЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://erzf.ru/images/repfile/14409672001REPFILE.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).

³⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 14.05.2021).

³⁹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 14.05.2021).

С точки зрения назначения режим ТОР предполагает утверждение Правительством Российской Федерации⁴⁰ перечня видов экономической деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности, в то время как режим СПВ позволяет заниматься любым видом экономической деятельности и с этой точки зрения более универсален. ТОРы в большей степени ориентированы на создание промышленных производств, транспортно-логистических предприятий, предприятий по переработке древесины, пищевой промышленности.

При этом стоит помнить об основных мотивах, которыми руководствуются инвесторы при вложении своих средств в экономику Дальнего Востока:

- 1) возможность получения прибыли в максимально комфортных для ведения бизнеса условиях;
- 2) «единое окно» для получения большинства государственных услуг;
- 3) перспектива получения мер государственной поддержки при строительстве объектов капитального строительства и подведении необходимой инфраструктуры вкуче со значительными налоговыми послаблениями;
- 4) наличие функционирующей системы институтов развития, которые оказывают содействие в поиске работников (АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике»), в получении дешевых кредитов (АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и ФРДВ) и пр.

Таким образом, инвестор сокращает издержки на подбор кадров, получение заемных средств, разработку финансовой модели, получает участок с готовой инфраструктурой для создания собственного производства и минимизирует контакты с контрольно-надзорными органами и иными бюрократическими структурами.

Всего на Дальнем Востоке создано 20 ТОР, которые привлекли 448 резидентов с общим объемом инвестиций 3,09 трлн рублей. В рамках существующих ТОР планируется создать более 76,8 тыс. новых рабочих мест⁴¹.

Режим СПВ распространен на территории 22 муниципальных образований пяти субъектов ДФО⁴², что позволило привлечь 1 951 инвестора с общим объемом инвестиций 969,9 млрд рублей с планируемым обязательством со стороны инвесторов по созданию более 92,2 тыс. новых рабочих мест⁴³.

Безусловным достижением проводимой политики по привлечению инвестиций на Дальний Восток является резкий рост объемов иностранных инвестиций. В период с 2015 г. (начало реализации режимов ТОР и СПВ) по 2020 г. рост остатков прямых иностранных инвестиций в ДФО составил 78% (в среднем по РФ — 58%) (Рисунок 4). Важно отметить, что большая часть прямых иностранных инвестиций ДФО концентрируется в Сахалинской области (около 86,4% совокупного объема остатков прямых иностранных инвестиций в ДФО).

⁴⁰ Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Подпункт 1 пункта 2 статьи 3 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 14.05.2021).

⁴¹ Территории опережающего развития // Минвостокразвития России [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения: 14.05.2021).

⁴² Статья 4 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 14.05.2021).

⁴³ Свободный порт Владивосток // Минвостокразвития России [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/> (дата обращения: 14.05.2021).

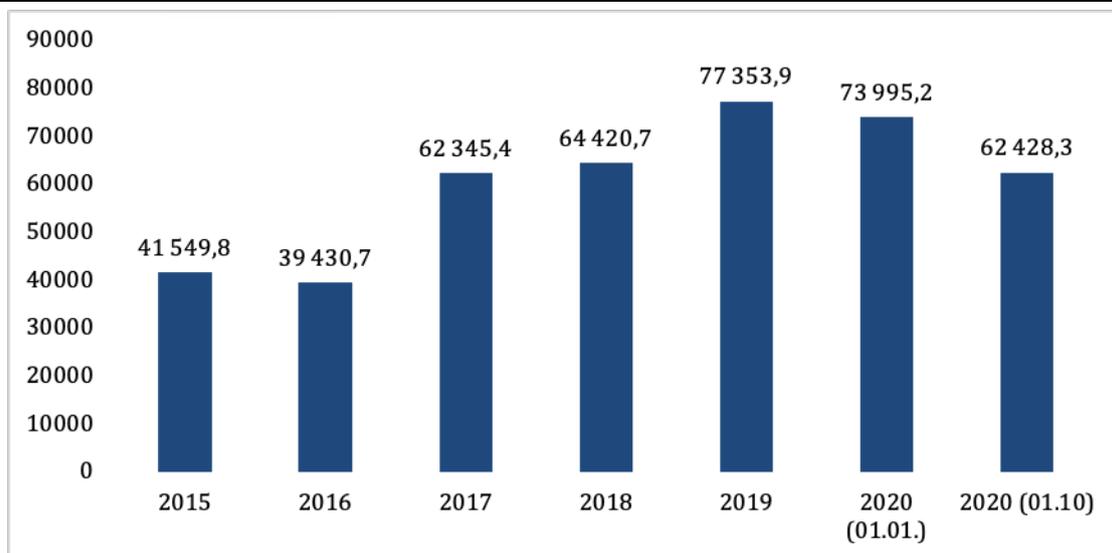

Рисунок 4. Остатки прямых иностранных инвестиций в ДФО, млн долл. США⁴⁴

Сравнение роста инвестиций в основной капитал в среднем по РФ и ДФО в период с 2000 по 2020 гг. также демонстрирует возрастающий их рост в российском Дальнем Востоке (Рисунок 5).

Рисунок 5. Динамика роста инвестиций в основной капитал в среднем по РФ и ДФО, в %⁴⁵

На улучшение инвестиционного климата на Дальнем Востоке в значительной мере повлияло внедрение специальных налоговых режимов ТОР и СПВ, что позволит суммарно привлечь порядка 4 трлн рублей инвестиций в перспективе до 2025 г.

Институты развития Дальнего Востока, созданные в соответствии с 32 статьей Федерального закона № 73-ФЗ, также сыграли важную роль в финансировании и поддержке проектов, реализуемых в рамках ТОР и СПВ, привлечении новых резидентов и обеспечении резидентов ТОР и СПВ трудовыми ресурсами.

⁴⁴ Составлено авторами на основе Остатки по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 14.06.2021).

⁴⁵ Составлено авторами на основе Инвестиции в основной капитал по субъектам Российской Федерации // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest_sub.xlsx (дата обращения: 14.03.2021).

Вместе с тем институциональная структура, в которой существовало три отдельных организации, частично дублировавшие направления работы, которые содержали внушительный административно-управленческий персонал в относительно небольших организациях, безусловно требовала реформирования.

Так, в соответствии с решением Правительства Российской Федерации⁴⁶, три института развития Дальнего Востока — АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике», АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» и АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» объединены в единый институт развития Дальнего Востока, что, безусловно, должно способствовать повышению его эффективности.

Период с 2000 по 2019 гг. отмечается опережающим ростом показателя инвестиций в основной капитал в ДФО по сравнению со среднероссийскими значениями, что позволило значительно быстрее модернизировать отдельные виды производств.

В абсолютных значениях доля ДФО в общем объеме инвестиций в основной капитал по стране в среднем с 2000 по 2020 гг. составляет 7,9% (2000 г. — 5,4%, 2020 г. — 8,6%). Пиковые значения роста приходятся на 2010–2012 гг. и 2018–2019 гг., которые объясняются строительством объектов АТЭС и началом реализации крупных инвестиционных проектов ТОР и СПВ соответственно (Рисунок 5).

Важно также понимать, что деятельность институтов развития Дальнего Востока в основном направлена на привлечение инвестиций в несырьевые отрасли экономики ДФО, которые за последние 20 лет существенно уменьшили свои доли в структуре валовой добавленной стоимости ДФО.

В период с 2005 по 2015 гг. доля добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости, произведенной на территории субъектов ДФО, увеличилась с 14,9% до 28,2%, и это с учетом того, что в целом по Российской Федерации произошло снижение с 12,8% до 11,2%⁴⁷ (Рисунок 6).

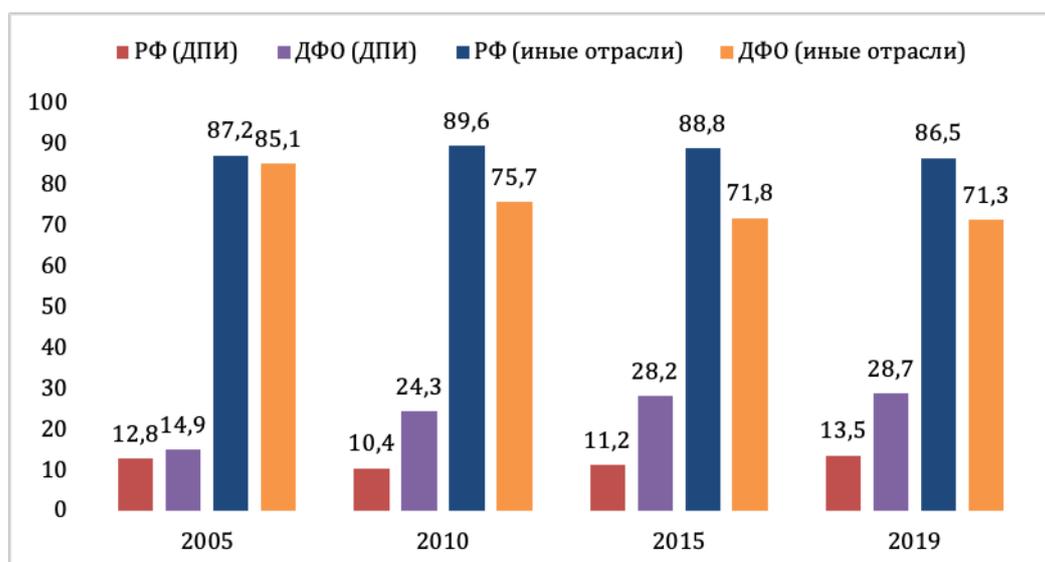

Рисунок 6. Динамика изменения доли добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости экономики ДФО и в среднем по РФ, %⁴⁸

Благодаря усилиям, направленным на поддержку несырьевых отраслей экономики ДФО, в период с 2015 по 2019 гг. произошло снижением темпов роста доли добычи полезных ископаемых в экономике макрорегиона при условии продолжения его роста в абсолютных значениях.

Вместе с тем следует особо отметить, что в трех регионах ДФО доля добычи полезных ископаемых в структуре экономики превышает 40% — это Сахалинская область (64,2%), Республика Саха (Якутия) (50,6%), Магаданская область (45,2%)⁴⁹. Таким образом, экономическое благополучие указанных регионов напрямую зависит от добывающего сектора экономики: для Республики Саха (Якутия) и

⁴⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3710-р «Об институтах развития» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373570/ (дата обращения: 21.05.2021).

⁴⁷ Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2007 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20\(%D1%81%202004%20%D0%B3\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20(%D1%81%202004%20%D0%B3).xlsx) (дата обращения: 21.05.2021).

⁴⁸ Составлено авторами на основе Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД2 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20\(%D1%81%202004%20%D0%B3\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20(%D1%81%202004%20%D0%B3).xlsx) (дата обращения: 21.05.2021).

⁴⁹ Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД2 // Росстат [Электронный ресурс]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20\(%D1%81%202004%20%D0%B3\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VD7h6taW/%D0%92%D0%A0%D0%9F%20%D0%9E%D0%9A%D0%92%D0%AD%D0%94%202007%20(%D1%81%202004%20%D0%B3).xlsx) (дата обращения: 21.05.2021).

Магаданской области — это драгоценные металлы и камни, для Сахалинской области — углеводороды. Здесь надо учитывать, что добыча полезных ископаемых в настоящее время становится достаточно наукоемким процессом с высокой добавленной стоимостью и играет важную роль в промышленном освоении дальневосточных территорий.

Заключение

Как отмечалось, одной из ключевых задач, которую поставило перед собой государство, является рост численности населения Дальнего Востока, обеспечение активного включения России в экономические процессы в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе. В целом на решение указанных задач направлены усилия как федерального правительства, так и региональных властей. Несмотря на отсутствие четкой структуры планирования развития страны в целом и Дальнего Востока в частности, итоги повышенного внимания к проблемам макрорегиона позволяют говорить об успешности некоторых направлений работы по данному вопросу.

Так, российский Дальний Восток демонстрирует наибольшее количество возможных специальных налоговых режимов на своей территории, только два из которых (ТОР и СПВ) аккумулируют более 4 трлн и создают 169 тыс. новых рабочих мест.

Не менее важной задачей, поставленной перед Минвостокразвития России и единым институтом развития Дальнего Востока, является обеспечение смены добывающей парадигмы экономики Дальнего Востока. Однако важно принимать во внимание тот факт, что работа по смене указанной парадигмы не должна проводиться за счет искусственного снижения инвестиционной привлекательности ведения хозяйственной деятельности добывающих компаний, а в первую очередь за счет ее повышения в иных отраслях экономики. Важным успехом в этом направлении является создание льготных кредитных продуктов для ведения предпринимательской деятельности на территории ДФО (вне рамок добывающего сектора экономики) и всесторонняя поддержка инвестора при реализации проекта со стороны институтов развития Дальнего Востока.

Тем не менее Президент Российской Федерации указал⁵⁰ на то, что важнейший показатель, характеризующий социальное благополучие жителей Дальнего Востока, а именно численность населения, все еще демонстрирует устойчивую отрицательную динамику.

Так, в Концепции демографической политики Дальнего Востока до 2025 года⁵¹ стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 8,3 млн человек должна быть обеспечена к 2020 году. Однако, по данным Росстата, фактическое значение данного показателя по состоянию на 1 января 2021 г. составило 8,16 млн чел⁵².

Отсутствие достижения отдельных показателей может говорить о наличии проблем двух порядков: некорректной декомпозиции целевых показателей до конечных мероприятий, направленных на их достижение, а также пренебрежении расчетами и управлением рисками мероприятий, реализуемых для достижения поставленных целей.

Отдельные успешные социальные проекты — «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточная ипотека» не могут быть инструментами решения глубоких демографических проблем Дальнего Востока. Устойчивый отток населения, в первую очередь молодого трудоспособного возраста, будет приводить к постепенному «старению населения» и отсутствию в перспективе возможности его самовоспроизводства.

В целом Правительство Российской Федерации уделяет значительное внимание освоению Дальнего Востока, однако наиболее успешным направлением работы в этой сфере является экономическое развитие макрорегиона, в то время как вопросы роста качества жизни населения демонстрируют значимо меньшие успехи и требуют существенной доработки, в том числе с учетом необходимости обеспечения его показателей до уровня не ниже среднероссийских.

⁵⁰ Совещание с членами Правительства // Президент Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65134> (дата обращения: 21.05.2021).

⁵¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 N1298-р (ред. от 23.12.2019) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/ (дата обращения: 21.05.2021).

⁵² Оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 г. // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6F3rqSLB/Popul2021_Site.xls (дата обращения: 04.05.2021).

Список литературы:

- Ведута Е.Н. Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики. М.: Академический проект. 2016.
- Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104.
- Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>.
- Исаев А.Г. Оценка эффекта государственных капиталовложений на частные инвестиции в Дальневосточном федеральном округе // Электронный научный журнал «Регионалистика». 2017. Т. 4. № 3. С. 26–34.
- Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013.
- Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067>.
- Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Портер М., Такеути Х., Сакакибара М. Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Хиггс Р. Кризис и Левиафан. Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010.
- Becot F.A., Inwood S.M. The Case for Integrating Household Social Needs and Social Policy into the International Family Farm Research Agenda // Journal of Rural Studies. 2020. Vol. 77. P. 185–198. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.05.005>.
- Dumbrell N.P., Adamson D., Wheeler S.A. Is Social Licence a Response to Government and Market Failures? Evidence from the Literature // Resources Policy. 2020. Vol. 69. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101827.
- Men F., Urquia M.L., Tarasuk V. The Role of Provincial Social Policies and Economic Environments in Shaping Food Insecurity among Canadian Families with Children // Preventive Medicine. 2021. Vol. 148. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106558>.
- Nijkamp P., Abreu M. Regional Development Theory // International Encyclopedia of Human Geography / Ed. by Audrey Kobayashi. Amsterdam; Boston: Elsevier, 2020. P. 297–302.

Дата поступления: 14.06.2021

References:

- Becot F.A., Inwood S.M. (2020) The Case for Integrating Household Social Needs and Social Policy into the International Family Farm Research Agenda. *Journal of Rural Studies*. Vol. 77. P. 185–198. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.05.005>.
- Dumbrell N.P., Adamson D., Wheeler S.A. (2020) Is Social Licence a Response to Government and Market Failures? Evidence from the Literature. *Resources Policy*. Vol. 69. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101827.
- Higgs R. (2010) *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government*. Moscow: IRISSEN: Mysl'.
- Isaev A.G. (2017) Evaluation of the Effect of Public Investment on Private Investment in Far Eastern Federal District. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Regionalistika"*. Vol. 4. No. 3. P. 26–34.
- Keynes J.M. (2013) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: ЗАО «Бизнеском».
- Leonov S.N. (2017) Tools of the State Regional Policy in the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 2. P. 41–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067>.

Men F., Urquia M.L., Tarasuk V. (2021) The Role of Provincial Social Policies and Economic Environments in Shaping Food Insecurity among Canadian Families with Children. *Preventive Medicine*. Vol. 148. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106558>.

Nijkamp P., Abreu M. (2020) Regional Development Theory. In: Audrey Kobayashi (ed.) *International Encyclopedia of Human Geography*. Amsterdam; Boston: Elsevier. P. 297–302.

Porter M. (2005) *The Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. Moscow: Al'pina Biznes Buks.

Porter M., Takeuchi H., Sakakibara M. (2005) Can Japan compete? Moscow: Al'pina Biznes Buks.

Veduta E.N. (2016) *Mezhotraslevoy-mezhsektorny balans: mekhanizm strategicheskogo planirovaniya ekonomiki* [Input-output and intersectoral balance: A mechanism for strategic planning of the economy]. Moscow: Akademicheskij projekt.

Zubarevich N.V. (2019) Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy ekonomiki*. No. 1. P. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>.

Zubarevich N.V. (2021) Influence the Pandemic at Socio-Economic Development and Regional Budgets. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. P. 48–60. DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10104.

Received: 14.06.2021